Микаел Абаджянц

Морская ведьма

Рассказ

1

Остров был сам по себе. Волны тоже были сами по себе, как, впрочем, и ветер, и закатное солнышко, льющее розовато-золотой искрящийся свет на восток. На западе горы были грязно-синими, а на востоке темнели изумрудные массы воды, в которых тонули потоки света, и еще там был остров. Все перемещения воздуха, воды и света никак не зависели от его воли, присутствия, желаний, но вот остров был объектом его вожделений. Он был похож на большую черепаху, поднявшую из моря массивную голову. Казалось, эта широкая каменная голова немного косит в его сторону. На ней были видны и расселина-глаз, и хорошо очерченный каменными трещинами клюв. А на вершине ярко-розового панциря что-то ослепительно сверкало, манило, дразнило его. И ему думалось отчего-то, что там должно быть какое-нибудь зеркало, в которое ему нужно будет непременно посмотреться. Черепаший панцирь был пологим и широким, воды моря были теплыми, набегающий ветерок ласковым...

Оставалось только прыгнуть в волны и поплыть, но он медлил. Он понимал, что, вероятно, обманывается в оценке расстояния. Пространство вокруг острова мягко скрадывалось, до него, казалось, рукой подать. Оставалось только ответить самому себе, зачем это нужно. Но ответов было слишком много: в разное время жизни он по-разному отвечал на этот вопрос. Он решил, что у него будет достаточно времени, чтобы обо всем подумать, пока будет плыть до острова, и прыгнул в воду...

Тело слушалось отлично. Он обожал это слияние с водой. Все эти бесцельные перемещения объемов воды он использовал, чтобы плыть с наименьшей затратой сил. Он никогда не встречал на море пловца лучше себя. Люди в большинстве своем плавают плохо, а потому боятся расстояния, пространства, глубины. Вода, свет, волны и остров уже не были сами по себе. Они стали частью его, стали реальностью, частью сиюминутной головоломки по имени «жизнь». Нужно было учитывать мелочи, присутствовать здесь и сейчас каждое мгновение. Все зависело от его навыков держаться на воде и умения перемещаться в водных толщах, и он плыл по-лягушачьи, брассом.

Абаджянц Микаел Фёдорович — прозаик и переводчик. Родился в Ереване в 1970 году. Окончил Ереванский зоотехническо-ветеринарный институт. Печатался в журналах «Новый мир» и «Дружба народов». Член Союза писателей Армении. Консультант проекта «Моссалит». Издавался в России, США, Австралии, Франции, Ливане. Есть литературные награды. Предыдущая публикация в «ДН» — 2015, № 7.

Белесое песчаное дно долго и полого уходило в глубину. Сначала оно просматривалось хорошо. Несмотря на то что еще было по-вечернему светло, в морской глубине тяжело копились сумерки. Иногда он переходил на кроль, но потом снова плыл брассом. Плыл, глубоко подныривая, выбрасывая из легких в толщу воды суетливые воздушные шарики. Он следил, как пузыри проворно устремлялись к поверхности, и ему это нравилось. На дне стали появляться огромные камни, поросшие длинными черно-бурыми водорослями. Форм они были порой самых фантастических. Казалось, это согнулись и застыли на дне большие косматые животные. Водоросли медленно колыхались в такт перемещениям придонных полупрозрачных водных масс. Он медленно проплывал над ними, но остров не приблизился ни на шаг. Как возвышался розовым черепашьим панцирем над водой, так и продолжал возвышаться. Не стал нисколечко больше, только розовый свет сделался чуть бледнее, да у основания черепашьей головы, кажется, начала различаться полоска прибоя.

2

Лидочка вышла на пляж с романом Ольги Грушевской «Лента Мёбиуса». Фигурка у нее была стройненькая и беленькая, не тронутая загаром. Вся она была такая летняя и светленькая, словно солнечный зайчик. Она постелила голубенькое полотенечко на белый, словно некий странный остов, лежак, но не спешила растянуться под палящим солнцем. Она оглянулась: с одной стороны поднимались каменистые горы Иудейской пустыни, а с другой сквозь лазурное пространство Мёртвого моря розовела в пыльной красноватой дымке Иордания.

— Ах, неужели здесь ниже уровня мирового океана аж на 500 метров? — сказала она, морщась от ослепительного солнца.

— Ну что-то вроде этого, — ответил он, рассматривая на берегу нагромождения каменных глыб, сплошь покрытых удивительными по красоте белыми соляными розочками.

— Здесь невозможно утонуть, — зачем-то сказал он.

— Ах, милый! Не заплывай, пожалуйста, далеко! — сказала Лидочка и отправила ему горячий, словно знойный ветерок, воздушный поцелуй.

И, намазанная жирным маслом для загара, она растянулась на лежаке с романом в черно-белой обложке, соблазнительная, блестящая. Сзади нее поодаль на таком же белом лежаке лежал толстый бородатый человек в черных очках, который, казалось, с интересом следил за ними, вернее, за Лидочкой. Почти у берега по пояс в воде стояли несколько старичков и вели какие-то свои разговоры.

Гладь Мёртвого моря почти не нарушалась. Ни дуновения, ни волны, только прозрачная до самого соляного дна толща воды, словно бы мыльной на ощупь. Он погрузился в жидкий горячий кисель, который активно старался его вытолкнуть. Попробовал встать ровно, как поплавок, помогая себе руками, но его выбросило из воды по пояс. Нужны были новые навыки плавания в такой плотной воде. Нельзя было брызгаться, потому как даже мельчайшая капля этого насыщенного соляного раствора жгла глаза. Он медленно шевелил руками, думая, как снова научиться плавать. Можно было в воде сидеть, лежать, но чтобы перевернуться на живот, не поднимая брызг, приходилось поджимать колени, а потом тихонько поворачиваться вниз лицом. Так можно было не намочить голову.

Овладев нехитрыми приемами держаться на воде, он решил попробовать поплыть своим излюбленным стилем — брассом. Брасс, казалось, лучше всего подходил для плавания в такой воде, потому как голову можно было держать над поверхностью. Но вода его выталкивала так сильно, что ему приходилось как-то неловко скользить на животе по плотной воде. После нескольких попыток он понял неэффективность этого стиля: так можно было плавать небыстро и на небольшие расстояния. Кроль больше подходил в данных условиях, но у него был серьезный недостаток: как бы аккуратно

он ни греб руками, поднимались брызги, которые непременно попадали в глаза. Вода на вкус оказалась скорее горькая, чем соленая, видимо, в ней много солей калия.

А впереди белел остров — просоленный кусочек суши, сверкавший ослепительно ярко в полуденном солнце. Он посмотрел вниз, там, на зеленовато-белом дне, нелепо трепыхалась его тень, словно тень мухи в стакане. Вдали синели горы Иордании, а вблизи была соляная гряда. Зачем туда плыть? За впечатлениями для повести. Ему были нужны сильные впечатления. Нельзя же писать о том, чего не испытал. Само такое приключение подскажет ему тему. А как же Лидочка? Подождет часок-другой, пусть читает пока свою Ольгу Грушевскую.

Вдруг он понял, что здесь нет смерти. Здесь невозможно было утонуть. От возникшего ощущения полной безопасности его разобрал неудержимый дурацкий смех. Хорошо, что старички остались далеко позади, на берегу, и не могли его слышать. Место это было чудом из чудес. Смерть здесь была не властна над ним, не могла придушить его тонной тяжелой воды, раздавить в объятьях своей плотной глубины. Он дико хохотал над этим странным открытием. Он с удовольствием рассматривал свою прозрачную тень сквозь толщу воды, понимал, что до нее не донырнуть, и это тоже казалось смешным. Глядя в безудержную синь неба над головой, ощущал, что находится на самом дне небесного океана, рассматривал ослепительное просоленное, такое маленькое лучистое солнышко. А потом вдруг быстро кролем поплыл к соляной гряде.

3

Я уже жил несколько лет в Москве, когда ко мне вдруг приехал мой старый знакомый художник Ара Арутюнян. Встретились мы тепло. Открыли бутылочку «Столичной» и жестяную банку селедочки. Как водится, выпили за встречу. Закусили шашлыком собственного приготовления. Ударились в воспоминания, припомнили друзей и знакомых, выпили и за их здоровье. И под конец нашей встречи Ара распаковал небольшой, в черной полиэтиленовой пленке, прямоугольный сверток. В нем оказалась картина. Ничего особенного: пасмурный день, серый берег Севана, остров с крутыми берегами и парочка черно-рыжих приземистых церквей на его вершине. Написано было, как мне показалось, плохо, широкими мазками. Изображение было нечетким, будто недорисованным, все приходилось угадывать самому. Вот лодка на берегу, а может, просто бревно. Пловец? Люди ли на берегу или это просто блики? Птица ли в небе? Если да, какая? Изображение выглядело как-то схематично, без подробностей и детализации. Словно бы художник взывал к памяти зрителя, пытаясь воскресить в его сознании нечто большее, чем просто блеклое воспоминание. Картина мне не понравилась. Я натянуто поулыбался, поблагодарил, конечно. Он попросил повесить ее на видное место, чтобы она была всегда у меня перед глазами. Продолжая все так же натянуто улыбаться, я думал о том, что скажет Лидочка. Вряд ли ей это понравится.

Мы еще немного посидели, открыли бутылку армянского коньяка «Ахтамар» — у меня была припасена на такой случай, — опять закусили. Он вспомнил знаменитую армянскую легенду о девушке Тамар и юноше, который утонул из-за любви к ней в соленой воде озера Ван. Теперь вообще возникли сомнения, что на картине изображен именно Севан... Опять закусили, расстались тепло...

Картину я Лидочке даже не показал. Замотал опять в черную полиэтиленовую пленку и засунул в книжный шкаф за книги. В шкафу она у меня пролежала многие годы. Что и говорить, как всякий порядочный армянин, все это время я мучился тоской по родине. Побывал во многих странах. Видел много удивительных озер и горных массивов в Африке, Европе и Азии. Но тоска только усиливалась. И лучшими из всех для меня оставались, конечно, Севан и Арарат. И вот как-то раз Лидочка стала разбирать мой шкаф с сувенирами и пыльными книгами на полках. Естественно, она

наткнулась на черный прямоугольный полиэтиленовый сверток. Спросила меня: что это? Но я счел за благо промолчать. Она стала распаковывать. И — о чудо! — вместо жалкого, убогого пейзажа мне открылась замечательно выписанная картина. Изображение было полно тревожной мрачной силы: стальные волны накатывали на серый песчаный берег, над головою распахнулось тяжелое, с сединой, небо с парящей в нем хищной птицей. С гор в озеро тяжело сползал туман. А вдали поднимались высокие берега острова с темным, как сама вечность, монастырем.

— А почему ты мне никогда это не показывал? — спросила возмущенно Лидочка.

Я смог только глупо улыбнуться. С этих пор картина благодаря Лидочке стала висеть на стене в гостиной, на самом видном месте.

4

Плыл он уже достаточно долго, однако соляная гряда никак не приближалась. Он вдруг понял, что обманывался в оценке расстояния. Обернулся: до берега тоже было далеко. Позади остались покрытые толстыми наростами соли сходни в море для отдыхающих. Белые лежаки и вовсе слились с белизной просоленного берега. Над горами Иудейской пустыни кружил черный мошка-вертолет. Отели казались маленькими коробочками. И он вдруг отчетливо осознал: случись что с ним — никто не поможет. Вот она рядом, цивилизация. Вот полные праздных людей бары-рестораны, вот суетящиеся между столами официанты и мечущиеся по коридорам отелей горничные. Однако никто не услышит, не увидит, не бросится на помощь. Он был как за прозрачным бронированным куполом, куда не пробиться ни крику, ни взгляду, ни человеческому сочувствию. Быть может, Лидочка все-таки поднимет панику, зайдется в истерическом смехе — это почему-то казалось ему очень страшным, — и тогда поднимутся вертолеты, выйдут в море спасательные лодки. На берегу будет бегать заплаканная Лидочка. И наконец весь мир станет искать его. Однако пока его хватятся, случиться может всякое. Да хотя бы его могут просто оставить силы, и не доплыть ему тогда ни до берега, ни до соляной гряды. Прощайте, люди, прощай, жизнь! Эх, глупость человеческая!..

Солнце поднялось в зенит. Мелкие соленые капли все-таки попадали в глаза, и оттого их нестерпимо жгло. Бесконечные потоки слез лились из его бедных глаз. Как-то проморгаться или промыть глаза в его положении было невозможно. Оставалось только терпеть эту резь. А солнце нещадно обжигало его обнаженное, ничем не защищенное тело. Насыщенный соляной раствор, коим являлась вода моря, не только не приносил прохлады, но и, казалось, способствовал получению сильных ожогов. И везде ослепительный свет-свет-свет. Свет в небе, свет от воды, свет в глубине. Он старался плыть не только кролем, но и на спине, чтобы переворачиваться и уменьшать силу ожогов. До поры это помогало.

Он стал уставать, в голову полезли мрачные мысли: смерть могла грозить ему с совсем другой стороны. Да, утонуть здесь невозможно, однако можно выбиться из сил, заживо сгореть на солнце, превратившись в красный пузырящийся кусок мяса, а потом и вовсе в шашлык. Ни тебе птицы в небе, ни рыбы в воде, ни ветерка, ни облачка — ничего. Он представил, как его мертвое тело какое-то время повисит в этом ярком ядовитом и прозрачном эфире. Наступит ночь и не принесет прохлады, темная гладь воды отразит недвижной поверхностью, как в зеркале, иудейские горькие звезды, потом опять разожжется сверкающий день. Тело его просолится, покроются белым налетом глаза, волосы, ногти, соль набьется в рот, в легкие, все его тело в конце концов покроется толстой белой коростой. И в какой-то жуткий час оно под тяжестью соли покачнется на обширной глади озера и пойдет на дно. И долго на горячем дне в яростных потоках света будет лежать статуя из белой соли. Потом же и ее поглотит вездесущая белизна.

До соляной гряды доплыть не представлялось возможным. И даже не из-за значительного расстояния, которое он почти покрыл, а потому, что ему преградили путь странные соляные бассейны. Они, видимо, появились в результате ежедневного и еженощного выпаривания. Последние метров сто до соляного острова поверхность моря была покрыта круглыми большими лужами, изолированными друг от друга острой режущей соляной кромкой. Вода в бассейнах, из-за небольшого объема воды в них, оказалась обжигающе горячей. Он попробовал забраться в один и переплыть его, но оказалось, что сделать это непросто, только порезал о соляную кромку ступни и локти. Не очень сильно, однако жгучая боль стала теперь его спутницей. Самый крошечный порез в соляном растворе такой концентрации превращался в источник нестерпимой боли.

Все-таки он добрался до своего острова. На берег подниматься не стал, чтобы не получить других повреждений. К своему удивлению, он обнаружил здесь все те же атрибуты человеческой цивилизации: перевернутые столы и стулья, автомобиль неизвестной марки, какие-то конструкции неясного назначения — все это было покрыто толстой коркой соли, так что даже не разобрать деталей. Можно было лишь по контурам догадаться, чем это когда-то было и для чего служило. Уму непостижимо, как все это сюда попало. Скорее всего, когда-то здесь был берег, потом море разлилось, стало шире, небольшая возвышенность превратилась в остров, соляную гряду, а на ней остался забытый хлам, который не мог даже благополучно сгнить, ибо его засолило море.

Над поверхностью моря пронесся тяжелый рокот. Он пожалел, что при нем нет фотоаппарата. Прямо над головой медленно, словно во сне, пролетел темно-зеленый военно-транспортный самолет израильских ВВС. Наверное, из самолета был виден остров, засоленная машина, светло-лазурная вода, красноватый человечек в ней. Видно все должно было быть очень хорошо, в мельчайших деталях. А если чуть напрячь зрение, должно быть видно даже выражение лица красноватого человечка. Выражение ужаса...

5

Он упорно плыл к острову. Справа заметил раскачивающийся на волнах большой красный буй. Явно он был здесь не для обозначения безопасного места для плавания, слишком далеко был берег, скорее он указывал фарватер яхтам. Подплыв к красному металлическому шару, он обхватил его и какое-то время отдыхал. Покрытая водорослями толстая веревка уходила в глубину. Захотелось узнать, сколько здесь может быть до дна, и он потянул за веревку. С трудом, но ее удалось выбрать. На конце оказалось бетонное грузило. Судя по всему, глубина была метров двенадцать. Он удовлетворенно отпустил конец веревки, и та, словно живая, стремительно ушла под воду. Не сразу, но он услышал удар бетонного грузила о каменное дно, значит, здесь под ним уже был не песок. Дно, конечно, не просматривалось, и только темные продолговатые серо-голубые тени угадывались в толще воды. Он поплыл к острову, активно работая руками и ногами, и через какое-то время остановился, чтобы отдышаться и еще раз взглянуть на остров. Черепаха медленно превращалась в игуану. Она уже была не розовая, а серая. Бледный розово-золотой свет еще струился поверх сероватой спины игуаны, цепляясь за то, что он сначала ошибочно принимал за зеркало. Это был стальной крест, отсвечивающий золотом.

Скоро солнце должно было зайти за гору, и тогда начнет смеркаться. А до острова было все еще далеко. Плыть назад в сумерках, а может, и в темноте ему не улыбалось. Назад лучше было не смотреть, и он снова поплыл к острову. Через какое-то время он понял, что на остров не выбраться. Отвесная серая, иссеченная трещинами стена предстала перед его взором. Высота ее метров двадцать, крест на вершине острова

отсюда уже не просматривался. У подножия стены гремел прибой, с силой смешивая в ослепительную пену воду и воздух. Подплывать к ней было небезопасно: могло сильно ударить о камни, покрытые острыми, словно бритвы, раковинами мидий. Скорее всего, отдыха не предвидится. Однако там, где ему чудилась надменная морда ящерицы, он обнаружил нагромождение огромных валунов. Все это было похоже на лапу, по которой можно было выбраться из воды. Здесь камни не были облеплены мидиями, однако состояли из каких-то хрупких пород, изъеденных кавернами и усыпанных острыми шипами. Выше линии прибоя валуны имели гладкую поверхность. Выбраться на берег и отдохнуть было необходимо, чтобы восстановить силы, ведь предстоял обратный путь. Выбираясь из воды, он все-таки очень некстати сильно порезался. Сумерки быстро сгущались, морская вода становилась темной и непрозрачной. Он сидел на гладком камне, с него стекала струйками вода и смешивалась с кровью. Выше подняться с этой стороны острова было невозможно: над ним нависал каменный выступ. Он подумал, что надо было оплыть весь остров, ведь как-то же затащили на вершину стальной крест. Наверняка можно было без особых проблем с другой стороны забраться на самый верх, но он уже не хотел об этом думать. Становилось темно. На том берегу весело зажигались разноцветные электрические огоньки, но они были так далеко. Он думал: зачем все это было ему нужно, кому и что он хотел доказать? Было немного страшно, но несмотря на полное одиночество, он ясно ощущал свою сопричастность тому духу авантюризма, который тысячелетиями гнал человечество на поиски нового, заставлял совершать открытия, и не только географические.

б

Всю жизнь, бывая на разных морях и озерах, я копил впечатления для морского рассказа. Иногда с того или иного берега я прихватывал в качестве сувенира камешек или раковину. Не знаю, как называются те или иные минералы, как правильно по-научному называются те или иные моллюски, чьи раковины во множестве стоят на полках моего книжного шкафа.

Вот длинная раковина какой-то улитки, обитающей в вулканическом озере Хефиз в Венгрии. Она до сих пор сильно пахнет серой. Пришлось плавать в черной воде небольшого кратера, где я со страхом ощущал, что подо мной пятидесятиметровая неизведанная глубина.

А вот невероятно крупный рапан из Черного моря. Вспоминается, как я плавал в шторм, как накатывали трехметровые бурые волны одна за другой, как я смотрел с грязной пенной высоты на берег и бетонный парапет, с восторгом понимая, что на высоту второго этажа меня заносит вода. Помнится, я тогда выждал момент и с небольшой волной вылетел на берег. Со всех ног побежал к бетонному парапету под яростные аплодисменты местной публики, с ужасом ощущая, что сзади набегает новая огромная волна. Помнятся долгие объяснения с грузинскими спасателями и Лидочкой, которые, в отличие от толпы, явно не были в восторге от происходящего.

Вот маленькие развертки из Турции, которые я поднял с семиметровой глубины, не пользуясь специальными приспособлениями для подводного плавания. Вот раковинки смешных раков-отшельников из Португалии. Все раковины, которые я подбирал, были пустыми. Я добряк, и ни у кого не отбирал их домики.

А вот ажурный скелет средиземноморского морского ежа. Вот серенький камешек с побережья Севана. Он приносит мне удачу. Вот яркий зелененький камешек с берега Балатона. Вот красный куриный бог с Черного моря. Вот крупные кристаллы соли Мертвого моря. Все это вещи самые обычные, их привозит после отдыха любой турист, но есть у меня кое-что, что поставит в тупик всякого. Это волосы морской ведьмы...

7

После долгих усилий я выбрался на просоленный берег в том же месте, откуда начал свое плавание. Все так же у берега бултыхались в соленой воде старички. Казалось, никто даже не заметил моего отсутствия. Солнце заметно сдвинулось к горизонту, но до вечера было еще далеко. Все путешествие заняло не так уж много времени, часа четыре. Впечатлений для рассказа было предостаточно. Однако Лидочки на берегу не оказалось. Не было ни ее голубенького полотенечка, ни книги Ольги Грушевской в черно-белом переплете. Сердце заныло, настроение упало. Уже не чувствуя себя победителем, я тоскливо оглянулся. Невдалеке на белом лежаке разлегся толстый бородатый мужчина и, сощурившись, кажется, за мной наблюдал.

8

Спуститься в воду по тем же острым каменным шипам он был не в состоянии. Нужно было попробовать прыгнуть в воду, стараясь перелететь через линию прибоя. Сказать легче, чем сделать. Дно в этом месте было глубоким, однако, если не долететь до воды, можно разбиться насмерть о большие валуны, уходящие в глубину. Сумерки уже сгустились настолько, что камни в воде не просматривались. Нужно рискнуть, но расстояние надо было оценивать с большим запасом. Прыгать с места головой вниз, как на соревнованиях, здесь нельзя. Нужно отойти от края шага на два, чтобы потом посильнее оттолкнуться ногами. И он прыгнул. Вошел хорошо и ушел под воду метра на три. И там, в глубине, в почти непроглядной черной воде ему показалось, как что-то метнулось от берега вместе с его телом. Где-то в глубине души он уже знал: гонка началась. Поразился, какой темной, негостеприимной стала вода, но думать было некогда, и он изо всех сил поплыл кролем к берегу. Плыл долго, шумно выдыхая в глубину серебристые шарики воздуха. Через какое-то время остановился, чтобы передохнуть. Ящерица начала превращаться в черепаху и снова стала глядеть в его сторону сквозь сгущающийся сумрак. Где-то впереди зачернел давешний буй, раскачивавшийся на беспокойных волнах, значит, до берега недалеко.

И тут будто что что-то коснулось его ноги. Легонько. Он изо всей силы брыкнул ногой, понимая, что нельзя поддаваться страху. Показалось. Показалось, конечно. Но он еще раз ощутил прикосновение, еще более явственно. Сомневаться не приходилось: *что-то* терлось под водой около него. Единственное спасение в скорости, и он бросился плыть, не разбирая направления. А это *что-то* все время преследовало его. Преследовало с методичной настойчивостью, как сумасшедшего преследует неотвязная мысль. Он стал размышлять: это не морское животное, оно бы его уже схватило, если бы вообще имело такую цель. И в этом море нет акул... Это какая-то человеческая тварь. Это нечто разумное. Оно играло с ним. Он все время ощущал легкие прикосновения. Казалось, чьи-то руки пытаются потрогать или схватить его. Это вызвало панику. Краем сознания он предполагал, что сам мог все это внушить себе, что остывающие волны могли сыграть злую шутку с его рецепторами. Разыгравшееся воображение оказывало ему дурную услугу: он хорошо управлял своим телом, но не справлялся с черным, нахлынувшим вдруг потоком подсознания. Немалая вероятность того, что все померещившееся — правда, заставляла плыть изо всех сил в неизвестном направлении.

Плыл он долго, краем глаза замечая, что больше не видит веселеньких разноцветных огоньков. Все вдруг тяжело погасло в огромном черном пространстве. Во тьме растворился даже остров. Где он, уже никто не мог бы ему сказать. Была кромешная ночь, и только в черной непроглядной глубине кружила у него под ногами морская ведьма...